

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Летом нынешнего года ушел из жизни Павел Алексеевич Пичугин - человек феноменальных знаний, исключительного литературного таланта, личность необычная и обаятельная. Павел Алексеевич был специалистом по музыке Испании и Латинской Америки, опубликовал на эти темы массу книг и статей. В последние годы он готовил - и успел полностью приготовить - две книги: об испанской песне и об истории танго. Наверняка осталось еще много других завершенных или почти завершенных работ. Надеюсь, что ими займутся коллеги Павла Алексеевича по Институту Латинской Америки, где он трудился в последние десятилетия. Что же касается книг об испанской песне и о танго, то неплохо бы обратиться на них внимание музыкальным издательствам.

У автора этих строк, знавшего Павла Алексеевича на протяжении более трех десятков лет, есть особые поводы с благодарностью вспомнить о нем. В те далекие времена Пичугин заведовал зарубежным отделом журнала "Советская музыка", и именно из его рук я (как и другие) впервые получила для прочтения Леонтьева и Данилевского, Шпенглера и Ортегу-и-Гассета, Бердяева и Розанова. И не просто получила столь "опасные" в те годы книги, но - с умным, грамотным, тонким комментарием. Именно Павел Пичугин учил нас, молодых редакторов, правилам обращения с авторским текстом; сам он был редактор высшего класса, просто безкоризненный, а стилист такой, что трудно найти ему равных. И еще Павел Алексеевич, не имевший высшего музыкального образования (что не мешало ему блистательно знать музыку, особенно русскую), был композитором, и хорошим. Писал он в основном романсы, редко кому их показывая.

Всю жизнь он сосредоточенно трудился, не взирая на разнообразные внешние препятствия. Трудился именно не щадя сил, которых ему немало было отпущено природой: еще на моей памяти этот невысокий сухошавый человек легко гнул советские пятаки "одной левой".

В последнее время бытие Пичугина в житейском смысле иногда походило на самоистребление, но в любой ситуации Павел Алексеевич блистательно поддерживал беседу на самом высоком интеллектуальном уровне, легко говорил по-испански, великолепно переводил стихи; почерк его, нотный и буквенный, оставался прозрачно-каллиграфическим.

Думаю, что очень многие свои мысли Павел Алексеевич не успел зафиксировать, они ушли вместе с ним. В прошлые века такие люди возглавляли философско-литературные кружки, открывали собственные журналы и газеты, может быть, становились академиками... Потеря ближайших недель - уход из жизни Александра Тевосяна, тоже музыковеда, только более молодого поколения.

Для нашей газеты это особенно тяжелая потеря: ведь Саша Тевосян писал в РМГ с первых ее номеров, можно сказать, стоял у колыбели возрожденной газеты. Писал исправно и регулярно в те времена, когда газета только становилась на ноги и часто не могла заплатить авторам даже самого скромного гонорара. А главное, Саша был нашим другом. Вместе с ним уходит память о "старой" РМГ: уже давно нет Гали Друба-чевской, чуть больше года назад погиб Сергей Румянцев. Именно Саша тогда первым откликнулся, и сентябрьский номер газеты вышел с его статьей памяти Сергея. Некоторые из нас знали, что Саша тяжело болел, но он держался так спокойно и оптимистично...

В последнее десятилетие Александр Тевосян, трудясь в Академии хорового искусства, много работал и как музыковед. Его увлекали более всего вопросы, связанные с историей русской духовной музыки, с ее исполнением. Он неутомимо посещал духовные концерты, ездил на всяческие фестивали, конкурсы, конференции - все ему было нужно и интересно. Он был всецело предан этой теме, относился к ней с восторженным пиететом, с той искренностью и открытостью, которые были свойственны ему и в жизни. Вечная им обобщим память!

Марина Рахманова

Рос. муз. газет. - 2001 - N 11 - с. 7